

Николай Добролюбов

**Стихотворения А. Н.
Плещеева**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения А. Н. Плещеева

«Грустная жалоба побежденного бойца, печаль о несбывшихся надеждах» – так определил Добролюбов основное настроение стихов поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, которые, как ранее поэзия А. И. Полежаева, вызвали критика на размышления о судьбе русских поэтов и – шире – самобытной личности в удушливой атмосфере самодержавной России. Но если в рецензии на стихи Полежаева Добролюбов полностью снимает с отдельной личности ответственность не только за внешние обстоятельства ее жизни, но и за ее нравственный облик, целиком возлагая эту ответственность на уродливые общественные отношения, то здесь, не снижая остроты осуждения общества, критик высказывает мысль, что в своей внутренней слабости виновен и сам человек, отсутствие у него твердых убеждений, которые бы позволили духовно противостоять влиянию «заедающей» среды.

Содержание

#1	0005
Примечания	0028

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения А. Н.
Плещеева**

СПб., 1858

Какое-то внутреннее тяжелое горе, грустная жалоба побежденного бойца, печаль о несбывшихся надеждах юности, – вот характер большей части изданных ныне стихотворений г. Плещеева. С первого взгляда тут не представляется ничего необыкновенного: кто не был разочарован горьким опытом жизни, кто не сожалел о пылких мечтах юности? Это сделалось даже обычною пошлою темою бездарных стихотворцев, к которым обращался еще Лермонтов с этими жесткими стихами:

Какое дело нам, страдал ты или нет?

*На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,*

Рассудка злые сожаленья?[1]

Но, присматриваясь ближе к содержанию стихотворений г. Плещеева, мы найдем, что характер его сожалений не совсем одинаков с жалобными стонами плаксивых пиит прежнего времени. У тех и надежды-то были действительно не только глупы, но и пошлы, мелки; и сожаления-то были такого рода, что до них именно никому, дела не было. Обык-

новенно надеялись они на то, что встретят сочувственную женскую душу, которая их полюбит и будет любить страстно и вечно; надеялись они также и на то, что вот, может быть, дождутся они времени, когда весна целый год будет продолжаться, розы не будут увядать, молодость будет вечно сохранять свою пылкость и свежесть, что луна вступит с ними в дружеские отношения и т. п. Лет в двадцать пииты начинали уже разочаровываться, жаловались на измены любимых женщин, сетовали о кратковременности цветения розы и пр. Со стороны, разумеется, смешно и скучно было слушать их... Нельзя сказать того же о сожалениях, которым предается г. Плещеев. Его надежды также были, может быть, безрассудны; но все-таки они относились уже не к розе, деве и луне, они касались жизни общества и имели право на его внимание[2]. Поэтому и грусть поэта о неисполнении его надежд не лишена, по нашему мнению, общественного значения и дает стихотворениям г. Плещеева право на упоминание в будущей истории русской литературы, даже совершенно независимо от степени таланта, с которым

в них выражается эта грусть и эти надежды.

В истории нашей поэзии начиная с Пушкина есть один грустный факт, который еще ждет себе полного объяснения в будущем. Все, что было замечательного в нашей поэтической литературе последних сорока лет, подверглось влиянию этого грустного факта. Он состоит в том, что конец деятельности каждого сколько-нибудь замечательного поэта ознаменовывается сознанием собственного расслабления и сожалением о напрасно потраченных силах молодости. Такое сознание сообщает какой-то мрачный, безотрадный колорит всей деятельности поэта, и мрак этой безотрадности с каждым годом все более сгущается. И тем безотраднее действует он на душу внимательного читателя, что в начальной деятельности поэта всегда заметны смелые порывы, широкие мечты, благороднейшие, сильные стремления. Нас невольно увлекает поэт силою своего вдохновения, особенно если талант его имеет сколько-нибудь приметные размеры; нам самим хочется, чтобы эти мечты сбылись, эти порывы нашли возможность осуществиться в практической деятель-

ности. И когда поэт начинает свое безотрад-
ное признание, свою тоскливую похоронную
песнь о невозвратно потерянных надеждах и
напрасно растраченных силах, у нас самих
холод пробегает по телу и будто что-то отры-
вается от сердца. А между тем нет ни одного
замечательного русского поэта последнего
времени, который бы остался совершенно
свободен от этого мрачного настроения, кото-
рый бы не принялся заживо хоронить себя. С
какими смелыми и гордыми надеждами Пуш-
кин выступал на литературное поприще! Как
много горячего, молодого увлечения было в
нем в те годы, когда еще душу его волновали

*Негодованье, сожаленье,
Ко благу чистая любовь...[3]*

И все пропало. В один из последних годов
своей жизни он с грустью признавался, что в
сердце его, смиренном бурями, настала лень
и тишина[4]. А сколько тяжелого уныния, ка-
кого-то сдавленного, покорного горя, напри-
мер, в этих стихах, также относящихся к позд-
ней поре пушкинской деятельности:

*Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду, придет ли мой конец...[5]*

Правда, что Пушкин, при всей громадности своего поэтического таланта, не был человеком, серьезно проникнутым убеждениями, которые проявлялись в нем в ту пору, «когда ему были новы все впечатленья бытия»[6]. Бурям судьбы жестокой не мудрено было сломить этот характер, не отличавшийся глубиной и силою. Но вот другой пример – Лермонтов. Этого уж нельзя упрекнуть в недостатке энергии и твердости; а между тем и он писал под конец жизни почти то же, что Пушкин:

*И тьмой, и холодом объята
Душа усталая моя.
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока,
Под знойным солнцем бытия[7].*

Тем же кончил и Кольцов, эта здоровая, могучая личность, силою своего ума и таланта сама открывшая для себя новый мир знаний и поэтических дум. Еще не окрепший в своем поэтическом таланте, но гордый моло-

дою силою воли, он говорил о злой судьбе при начале своего поприща:

*Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я...
Могильной тенью в прах низри-
нусь,
Но скорби не отдам себя...[8]*

Но и его сломила судьба, и незадолго до своей смерти он груство сознавался:

*В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас...
Только тешилась мной
Злая ведьма судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба...[9]*

Судьба, рок, судьба!.. Вот слова, в безвыходной тоске повторяемые каждым из наших замечательных поэтов, что это? Бессилие ли отдельных личностей пред силою враждебной им судьбы? Но если оно так неизбежно и так велико даже в людях, которые так щедро наделены от природы, которых мы считаем лучшими между нами, – то в каком виде это бес-

силе должно представляться во всей остальной массе?.. Или, напротив, это вопль энергической, действительно сильной натуры, подавляемой гнетом враждебных обстоятельств? В таком случае – каковы же должны быть эти обстоятельства, когда они так необходимо, фатально, так безобразно сламывают самые благородные и сильные личности?.. Тяжело становится на душе, когда припомнишь историю этих личностей. Зачем боролись и страдали бедные труженики? Зачем их борьба была так бесплодна, и зачем эти тысячи и миллионы людей, окружавших их, так холодно, безучастно смотрели на их внутренние страдания, так легко дали им пасть под гнетом судьбы?

Как грустна история этого невольного падения, изображенная одним из таких тружеников:

*Мы в жизнь вошли с прекрасным
упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою ду-
шой,
С желаньем истины, добра жела-
нием,*

*Любовью, с поэтической мечтой;
И с жизнью рано мы в борьбу
вступили,
И юных сил мы в битве не щади-
ли.
Но мы вокруг не встретили уча-
стья,
И лучшие надежды и мечты,
Как листья средь осеннего нена-
стья,
Попадали, и сухи и желты...[10]*

Такая точно история выражается и в стихотворениях г. Плещеева. Мы не говорим о силе таланта, в которой он не может, конечно, быть сравниваем с названными нами выше поэтами; но мы указываем здесь только на аналогические обстоятельства внутреннего развития у разных наших поэтов, не только больших, но и маленьких. В этом отношении и на даровании г. Плещеева легла та же печать горького сознания своего бессилия пред судьбою, тот же колорит «болезненной тоски и безотрадных дум»[11], последовавших за пылкими, гордыми мечтами юности. Мы помним книжечку стихотворений г. Плещеева, изданных лет 12 тому назад[12]. В них

было много неопределенного, слабого, незрелого; но в числе тех же стихотворений был этот смелый призыв, полный такой веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность:

*Друзья! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть, под знаменем науки,
Союз наш крепнет и растет...
Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах,
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах.
Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим
И поведем за ратью рать.
Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит.
И верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит[13].*

Эта чистая уверенность, так твердо выраженная, этот братский призыв к союзу – не во имя разгульных пиров и удалых подвигов, а именно под знаменем науки, – это благородное решение не творить себе кумиров – обещали многое. Они обличали в авторе если не

замечательное поэтическое дарование, то по крайней мере энергичное решение посвятить свою литературную деятельность на честное служение общественной пользе. Но после издания своих стихотворений г. Плещеев замолк. Прошли годы, и ни одним стихом он не напомнил о себе русской публике. Наконец в 1856 году снова появился он в «Русском вестнике», с робостью новичка печатая свои стихотворения под неполной фамилией А. П – ва[14]. Многие читатели узнали знакомый голос и радушно приняли «старые песни на новый лад», как называл г. Плещеев свои стихи, печатая их в «Русском вестнике»[15]. Теперь наконец решился он издать их и отдельной книжкой. В ней уже нет тех мощных призывов, тех гордых увлечений, тех, отчасти безрассудных, надежд, с которыми так смело выступал он на свое литературное поприще. С ним произошло то же грустное явление, о котором говорили мы выше.

Изданная ныне книжка грустно начинается стихотворением «Раздумье», в котором поражают читателя следующие стихи:

Не вижу я вокруг отрадного рас-

света!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бро-
сишь взор,
Исчезли без следа мои молодые ле-
та,
Как в зимних небесах сверкнувший
метеор
Как мало радостей они мне пода-
рили,
Как скоро светлые рассеялись
мечты!
Морозы ранние безжалостно по-
били
Беспечной юности любимые цве-
ты.
И чистых помыслов, и жарких
упований
На жизненном пути растратил
много я;
Но средь неравных битв, средь
тяжких испытаний
Что ж обрела взамен всех грез ду-
ша моя?
Увы! лишь жалкое в себе разувере-
нье,
Да убеждение в бесплодности
борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое

*стремленье
Ждать не должно себе пощады у
судьбы...*

В этих стихах читатель может видеть выражение того настроения, которое господствует во всей книжке стихотворений г. Плещеева. Оно проявляется в разных видах; то в горьком укоре враждебному року, то в грустном воспоминании о прошедшем, то в глухом стоне настоящего, внутреннего горя, то, наконец, в печальной иронии над своими погибшими мечтами. Из сорока стихотворений, напечатанных в книжке, в тридцати наверное найдется скорбь больной души, усталой и убитой тревогами жизни, желание приобрести новые силы, чтобы освободиться от гнета судьбы и от мрака, покрывавшего ум поэта...

В одном стихотворении он говорит:

*Запуган мраком ночи я,
И в нем я ошупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
И где обрести его – не знаю[16].*

В другом:

Как часто у судьбы я допросить

хотел,
Какую пристань мне она гото-
вит...
Зачем неравный бой достался
мне в удел,
Зачем она моим надеждам преко-
словит...
Ответа не было...[17]

В третьем:

Подстрекнула жизнь лукаво
На неравный бой меня.
И в бою том я потратил
Много страсти и огня.
Только людям на потеху
Скоро выбился из сил,
И осталось мне сознание,
Что я немощен и хил[18].

Воспоминания прошлого служат для автора постоянным источником грустных сожалений. Сравнение прежней свежести и энергии, прежнего огня и самоуверенности с наступившим потом равнодушием и покорным отчаянием служит для г. Плещеева мотивом многих грустных стихотворений. Вот, например, как рисуется автору его прошедшее в стихотворении «Странник»:

Была пора, и в сердце молодом
Кипела страсть, не знавшая пре-
град;
На каждый бой с бестрепетным
челом
Я гордо шел, весенним грозам рад.
Была пора, огонь горел в крови,
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой
любви
Зажжет в сердцах озлобленных
она.
Где ж силы те, отвага прежних
лет?
Сгубила все неравная борьба.
И пустота – бесплодной жизни
след —
Ждет неизбежная, как древняя
судьба.

Дойти до пустоты после возвышенных на-
дежд и благородных порывов – ужасно. Мы не
думаем, чтоб на самом деле мог быть доведен
до такого состояния, единственно силою об-
стоятельств, человек, в котором чистые убеж-
дения не были праздною игрою разгорячен-
ного воображения, прихотью опрометчивой
юности. Нет, при всей враждебности обстоя-

тельств, человек найдет, чем наполнить свое существование, если в душе его есть не только крепость характера, но и сила убеждений. Крепость может поколебаться и пасть, но убеждение останется и всегда поддержит человека как в борьбе с роком, так и среди житейской пустоты. Его-то должен хранить поэт при всех неудачах своих мечтаний, при всех обманах тяжелого опыта жизни. Оно может не спасти от внешних унижений, может остаться бессильно в тех случаях, где требуется героизм характера, но оно не даст человеку унизиться внутренне и, всегда указывая ему правый путь, даст ему силы на дорогу по крайней мере там, где выбор пути не влечет за собою конечной гибели. Человека, не разошедшегося с своими убеждениями, нельзя еще считать погибшим; пока он знает, что идет поневоле не своей дорогой, и пока в душе тяготится этим, еще нет сомнения, что он при первой возможности воротятся на путь чести и добра. Но зато как страшно положение человека, поставляемого в постоянную необходимость идти против себя, против своих добрых стремлений – и сознающего, что он

не может выполнить в жизни тех идеальных требований, которые ставит для самого себя. Тут именно и является самое отчаянное, самое мучительное страдание для человека, проникнутого благородными стремлениями, но не одаренного героизмом убеждений настолько, чтобы разом покончить с окружающим его злом. Страдание подобного рода недурно выражено в следующем стихотворении г. Плещеева:

*О, если б знали вы, друзья моей
весны,
Прекрасных грез моих, порывов
благородных, —
Какой мучительной тоской
отравлены
Проходят дни мои в сомнениях
бесплодных!
Былое предо мной, как призрак,
восстает,
И тайный голос мне твердит
укор правдивый:
Чего убить не мог суровой жизни
гнет,
Зарыл я в землю сам! Зарыл, как
раб ленивый...
Душе была дана любовь от бога в*

дар,
И отличить дано добро от зла
уменьше;
На что же тратил я священный
сердца жар?
Упорно ль к цели шел во имя
убежденья?
Я заключал не раз со злом по-
стыдный мир,
Я пренебрег труда спасительной
дорогой,
Не простирал руки тому, кто наг
и сир,
И оставался глух к призывам
правды строгой.
О, больно, больно мне... Скорбит
душа моя,
Казнит меня палач неумоли-
мый – совесть.
И в книге прошлого с стыдом чи-
таю я
Погибшей без следа, бесплодной
жизни повесть.

Мы привели это стихотворение потому, что в нем довольно удачно определяется, с какой именно стороны грозит человеку нравственная гибель, при враждебных обстоя-

тельстввах внешних, среди пошлости окружающей жизни. Не столько велика опасность, что задохнешься в смраде этой одуряющей атмосферы, сколько страшно то, что привыкнешь к этому смраду и будешь, как и другие, ходить целый век одуренным. От этой последней опасности ничто не спасет вас, кроме светлого и сильного убеждения: вы будете задыхаться в атмосфере гнили, грязи и мертвечины; но веяние живой, чистой мысли все-таки будет для вас освежать несколько эту удушливую атмосферу. Вы по крайней мере не одуреете и с радостью ударитесь бежать, как скоро представится вам возможность выбраться на чистый воздух, и для вас вовсе не будет служить позором то, что вы некоторое время дышали дурным воздухом, хоть, конечно, ваши легкие все-таки за это поплатятся. Что же делать? Если бы внешние опасности и беды производили в нас только временную наружную боль, нисколько не отражаясь на внутреннем состоянии организма, тогда бы их и бояться было нечего... Главное-то горе в том и состоит, что внешние обстоятельства искажают нас самих и часто делают ни к че-

му не годными. Хорошо еще, если в нас остается хоть восприимчивость к веянию жизни, хоть желание возрождения. Эта именно восприимчивость, это желание – заметны повсюду в стихотворениях г. Плещеева. А при таком расположении души можно еще утешиться в том, о чем сожалеет поэт, то есть, что принужден был не раз мириться со злом и зарывать в землю талант, которому нельзя было найти употребления.

Нельзя, однако же, не пожалеть о том, что сила обстоятельств не дала развиваться в г. Плещееве убеждениям, вполне определенным и ровным, – *цельным*, как говорят. Со вниманием перечитывая его стихотворения, нельзя в них не заметить следов какого-то раздумья, какой-то внутренней борьбы, следствие потрясенной и еще не успевшей снова установиться мысли. Поэт постоянно жалуется на то, что его надежды разбиты, мечты обмануты, что он сам стал немощен и хил. Но в то же время он не может уберечь себя от новых обольщений и все как будто предается мечте, что для него настанет вторая юность, а для человечества новый золотой век. Эти странные

мечты и надежды парализуют ту сторону таланта, которая у г. Плещеева наиболее сильна, потому что наиболее искренна. В своем прошедшем г. Плещеев может найти много страстных и мощных мотивов, способных увлечь человека с душою. В своих воспоминаниях, в своей тоске, в самой боли раздраженного сердца поэт найдет предметы для многих песен. И если к этим песням не примешается фальшивый звук ребяческих смешных надежд и увлечений, то песни его польются звонким, стремительным, широким потоком. Мы говорим это в полном убеждении, что г. Плещеев не утратил той силы мысли и стиха, какая проявлялась в некоторых из первых стихотворений, между тем как беспечность золотых снов юности он уж потерял невосвратно. Об этом ясно свидетельствуют его стихотворения. Везде, где хочет он поидеальничать, где пускается в оптимизм, выражает юношеские надежды и желания, – везде впадает он в риторику, в звонкие фразы, вычурные сравнения, самый стих становится как-то мягок и вял. В доказательство стоит перечитать стихотворения: «Трудились бедные», «Не

говорите, что напрасно», «Была пора, своих сынов» и т. п. Вот, например, окончание стихотворения «Была пора»:

*Не страшен нам и новый враг;
И с ним отчизна совладеет.
Смотрите: уж редет мрак,
Уж свет отсюду проникает.
И содрогаясь, чует зло,
Что торжество его прошло...*

Не правда ли, что это прозаично, как модно-современное стихотворение Бенедиктова, и стих тянется так лениво и вяло, точно будто в какой-нибудь заказной оде прошлого столетия...

Во многих стихотворениях г. Плещеев ищет «тропы, затерянной им». Он молит:

*Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки;
Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится,
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон[19].*

Это показывает опять, что он еще стоит на распутье двух дорог и не знает, которая из

них ведет к истине. Конечно, не мы решимся быть в этом случае наставниками г. Плещеева, но его собственный опыт должен бы показать ему несостоятельность сладостных мечтаний, которыми он старается утешить себя. Не в них истина: они искажают, украшают и подслащают голую действительность; не в них и красота: какая же красота в мыльном пузыре, надутом глупеньким ребенком? Г-н Плещеев сам это чувствует: прошедшее слишком сильно тревожит его душу, чтобы он мог безмятежно восхищаться мыльными пузырями, и он сам говорит:

*О, если б я, от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачную былого
Из книги жизни вырвать мог!
О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! Бесплодной жизни по-
весть
Слезами горькими не смыть![20]*

Вот видите ли? Слезами даже и то не смыть, так уж можно ли скрасить мыльными пузырями? Зачем же попусту насиловать

свой ум и свой талант?

Хорошо мечтать в те дни, когда еще «нам новы все впечатленья бытия»; хорошо надеяться в ту пору, когда еще не пришла пора практической деятельности... Но что за охота взрослому человеку тратить свое воображение и драгоценное время на мечты о том, как вот придет нянюшка, погладит его по головке и даст гостинца?.. Да и можно ли спокойно предаться таким мечтам? Сейчас зашелестят с суровым неудовольствием какие-нибудь невзначай задетые нами ветки и презрительно спросят нас, как в стихотворении Гейне, переводом которого оканчивается книжка г. Плещеева:

*Что тебе надо, безумец,
С глупой мечтою твоей?[21]*

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 10, отд. II, с. 186–195, без подписи, с рядом цензурных искажений, восстановленных в изд. 1862 г., в котором, однако, также имеются менее существенные цензурные искажения (см.: III, 524–525).

«Грустная жалоба побежденного бойца, печаль о несбывшихся надеждах» – так определил Добролюбов основное настроение стихов поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, которые, как ранее поэзия А. И. Полежаева, вызвали критика на размышления о судьбе русских поэтов и – шире – самобытной личности в удушливой атмосфере самодержавной России. Но если в рецензии на стихи Полежаева Добролюбов полностью снимает с отдельной личности ответственность не только за внешние обстоятельства ее жизни, но и за ее нравственный облик, целиком возлагая эту ответственность на уродливые общественные от-

ношения, то здесь, не снижая остроты осуждения общества, критик высказывает мысль, что в своей внутренней слабости виновен и сам человек, отсутствие у него твердых убеждений, которые бы позволили духовно противостоять влиянию «заедающей» среды. Впоследствии, пересматривая сложившееся в общественном сознании сочувственное отношение к «лишним людям», Добролюбов развил эту мысль в ряде статей, в том числе в статье «Благонамеренность и деятельность», посвященной прозе Плещеева. Считая определенную неустойчивость убеждений причиной той тоски и недовольства собой, которые являются в этот период основными мотивами лирики Плещеева, критик тем не менее считает их наиболее сильной стороной его творчества, которой он противопоставляет «фальшивый звук ребяческих... надежд и увлечений», т. е. либеральные иллюзии поэта. Добролюбов высмеял их в двух пародиях на стихи Плещеева, предназначенных для № 1 «Свистка», но опубликованных лишь посмертно (см.: VII, 522–523). Плещеев ценил неллицеприятные суждения Добролюбова о

своём творчестве. «Из всех журнальных отзывов, – писал он критику, – я только вашим и дорожу... Как бы строг ни был ваш суд – я всегда готов сказать вам за него спасибо» (письмо от 25 февраля 1860 г. – Русская мысль, 1913, кн. I, С. 145).

Комментарии

Из стихотворения «Не верь себе» (1839).

[^^^]

Намек на социалистические идеалы петрашевцев, нашедшие выражение в поэзии Плещеева.

[^^^]

3

Из «Евгения Онегина» (гл. вторая, строфа IX).

[^^^]

4

Парафраз строк из стихотворения Пушкина
«Чаадаеву» (1824).

[^^^]

Из стихотворения «Я пережил мои желанья...» (1821), которое Добролюбов, в соответствии со своим представлением об эволюции Пушкина, как и предыдущее стихотворение, ошибочно отнес к последним годам жизни поэта.

[^^^]

6

Добролюбов перефразирует строки из стихотворения Пушкина «Демон» (1823).

[^^^]

Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Гляжу
на будущность с боязнью...» (1838).

[^^^]

Из стихотворения А. В. Кольцова «К другу»
(1830).

[^^^]

Из стихотворения А. В. Кольцова «Расчет с жизнью» (1840).

[^^^]

Из стихотворения Н. П. Огарева «Друзьям» (1840–1841). Имя поэта, находившегося в это время уже в эмиграции, Добролюбов не мог назвать в печати.

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения А. Н. Плещеева «Раздумье» (1855).

[^^^]

Добролюбов имеет в виду первый сборник Плещеева «Стихотворения» (М., 1846).

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения «Вперед!
без страха и сомненья...» (1846).

[^^^]

В 1849 г. как участник кружка петрашевцев Плещеев был приговорен к четырем годам каторги, замененной службой рядовым в Оренбургском линейном батальоне. В 1856 г. Плещеев получил чин прапорщика, вышел в отставку и начал сотрудничать в «Русском вестнике».

[^^^]

С 1858 г. поэт начал активно печататься в «Современнике» и сблизился с его сотрудниками, в том числе с Добролюбовым.

[^^^]

Из стихотворения «Молитва» (1857).

[^^^]

Из стихотворения «В степи» (1856).

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения «Много злых и глупых шуток...» (1858).

[^^^]

Из стихотворения «Молитва» (1857).

[^^^]

Из стихотворения «Тобой лишь ясны дни
мои...» (1857).

[^^^]

Рецензируемая книга заканчивается стихотворением «Ветер осенний колышет...», являющимся переводом стихотворения Гейне «Der Herbst wind rutelt die Baume...».

[^^^]